

В. И. Ленин в Разливе

...Еще в первый день, как Ильич приехал в Разлив, я побрил его, а жена подстригла под машинку. Волосы у него были мягкие. Товарищи из Петрограда привезли ему парик, а я дал Ильичу свою одежду: косоворотку, рабочую куртку, кепку, штилеты.

Он переделался, и мы с женой в один голос сказали:

— Настоящий финн! Теперь вы хоть куда, тем более на покос.

Ильич посмотрел в зеркало и рассмеялся:

— Да, теперь дело за немногим: надо научиться говорить по-фински.

Перед отъездом (в шалаш на озеро Раалив) Ильич еще раз попросил всех членов моей семьи соблюдать осторожность и без пароля никого не переправлять за озеро.

Мы уходили из сарая поздно вечером. Ильич, направляясь к лодке, сказал мне:

— С вами я спокоен.

Я и сам видел, что он мне доверяет, да и мне с ним было надежно и просто.

Я погрузил в лодку грабли, косы, мережи для ловли рыбы. В лодку сели Ильич, я и мой старший сын Александр. Следом за нами шла вторая лодка. В ней ехали т. Григорий, Кондратий, Сергей, Коля (трое последних — сыновья Н. А. Емельянова). Они прихватили с собой немудреное наше хозяйство: чайник, котелок, чашки, подушки и одеяла.

Сыновья должны были хорошо знать дорогу к покосу, так как мы уже условились с Ильичем, что они будут переправлять товарищей, приезжающих из Петрограда.

Как только добрались до покоса, Ильич обошел весь участок, потом вошел в шалаш, пощупал рукой, много ли сена положил я на подстилку, вышел и принес еще несколько охапок. Мы улеглись; рядом с нами прикорнул Коля.

— Чудо, как пахнет цветами! Не траву вы насущили, а цветы, — сказал Ленин.

И правда, кругом росли полевые цветы: ромашка, колокольчики, иван-да-марья, и запах от них шел сильный и приятный.

Рано утром Ильич поднялся и пошел искать место для работы. Я показал ему на заросли ивы:

— Здесь вас никто не увидит. Даже непрощенный гость, если его занесет сюда каким-нибудь ветром, не сунется в этот кустарник.

Мы расчистили небольшую

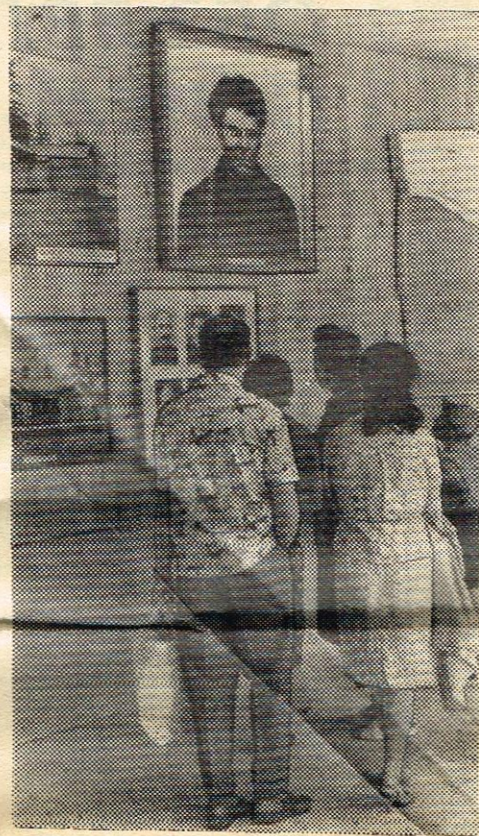
площадку внутри разросшегося ивняка, я поставил два чурбака. Тот, что повыше, служил Ильичу столом, пониже — сиденьем.

Ильич сразу же принялся за работу. И каждый день с утра он отправлялся в свой «зеленый кабинет». Так он сам теперь называл это место.

В «зеленом кабинете» Ленин продолжал писать книгу «Государство и революция». Я часто видел у него в руках синюю тетрадку, которой он пользовался во время работы, — сделанные

дозорным и поваренком. Он тщательно «прочесывал» окрестности. Его черная голова то мелькала в кустарнике, то исчезала в лесу. Когда все было благополучно, Коля свистел как снегирь. Если к шалашу приближался посторонний человек, Коля начинал свистеть на другой лад, и мы понимали: тревога. Тогда Ильич надевал парик и брал в руки грабли.

Обычно в своем «зеленом кабинете» Ильич сидел без парика: ведь в такую жару и надевать его было неприятно.

Павильон в музее В. И. Ленина «Шалаш».

им еще в Швейцарии выписки из трудов Маркса и Энгельса по вопросу о государстве. Ильич очень дорожил этой тетрадочкой. Ее теперь привезли из Стокгольма, где Ленин оставил ее, когда в апреле переезжал границу.

Утром чуть свет он шел с Колей на озеро или тут же, у шалаша, умывался. Ключевую воду приносил мой сыниска. Мы разводили огонь под чайником, который висел на кольях, и завтракали.

Коля был у нас разведчиком,

Мы условились, что все товарищи, приезжающие к Ильичу, приходят в сарай, сообщают Надежде Кондратьевне (жене Н. А. Емельянова) пароль, и только после этого она переправляет их за озеро.

На второй день после переселения в шалаш к жене явился человек с симпатичным, открытым лицом южанина. Первый пароль он сказал, но второй, ответный, не то позабыл, не то и вовсе не знал. Что тут было делать? Он очень рвался к Ильичу, но, уговаривая Надежду Кон-

дратьевну помочь ему, даже как-то смущался. После долгих колебаний моя жена позвала Сережу и попросила отвезти товарища за озеро.

Сережа переправил незнакомца и, подойдя к шалашу, засвистел снегирем. Тут же из-за кустов появился Владимир Ильич. Он направился к приезжему и очень приветливо поздоровался с ним. Тот ответил сдержанно. Тогда Ильич ударил его по плечу:

— Что, товарищ Серго, не узнаешь?

Обрадованный Орджоникидзе, — а это был он, — схватил руку Ильича и энергично пожал ее.

Ильич предложил ему поужинать вместе с нами. Правда, у нас всего-навсего была селедка да немножко сахару к чаю.

Поужинав, Серго вместе с Ильичем забрались в стог сена и долго беседовали. Орджоникидзе рассказал Ильичу о том, что происходило в Петрограде, о настроениях рабочих, солдат, о деятельности большевистских организаций, о том, что творилось в Петроградском Совете и в эсеро-меньшевистском Центральном исполнительном комитете.

Ильич сказал ему, что, так как меньшевики составляют в Советах большинство, Советы уронили себя в глазах рабочих.

— Теперь, — говорил Ленин, — центр тяжести всей нашей работы надо перенести на заводы. Наша опора — фабзавкомы.

Иногда наш шалаш напоминал штаб. Почти ежедневно бывал здесь Дзержинский; очень часто наезжали к нам Зоф, Свердлов. Бывали, но реже, и другие товарищи.

В ту пору подготавливался и был проведен VI съезд нашей партии. Тот, кто был душою съезда, скрывался в шалаше. Да и съезд, можно так сказать, находился на нелегальном положении.

Готовя съезд, направляя его работу, Ильич подробно и подробно беседовал с товарищами, которые его проводили. Съезд выбрал Ленина почетным председателем, выбрал его в ЦК, вынес решение, чтобы Владимир Ильич не являлся на суд. Ведь все понимали, что враги только и мечтают учинить расправу над Лениным.

А жизнь в шалаше шла своим чередом. Коля чаще свистел снегирем, предупреждая Ильича, что к нам идут свои.

В это же время в июле и августе в наших большевистских газетах, которые с таким трудом выходили тогда в свет, появлялись одна за другой статьи Ленина. Даже как-то не верилось, что они могли проделывать такой опасный путь из «зеленого кабинета» в петроградскую типографию и возвращались к нам уже напечатанными в газетах «Пролетарское дело», «Рабочий и солдат», «Рабочий», «Пролетарий». Я знаю, как жадно читали статьи Ильича на заводе.

Связь Ильича с Петроградом была бесперебойной, но добираться до нас не всегда было просто.

Рабочее место В. И. Ленина в «Сарае». Разлив.

...Погода становилась дождливой, и шалаш не всегда был для нас надежным укрытием. Вместе с Ильичем мы нарубили веток и покрыли шалаш еще несколькими слоями ветвей и сена. Надежда Кондратьевна привезла теплую одежду. Но по ночам было все холоднее и холоднее, и мы с трудом могли согреться.

Пора было Ильичу уходить с покоса. ЦК решил переправить Ленина в Финляндию.

Ильич попросил меня достать ему заводской пропуск. Многие рабочие нашего завода жили поблизости, в финском поселке Райвола, и по своим пропускам имели право переходить границу.

Как опытный слесарь и староста цеха я и раньше часто заходил к помощнику начальника завода Дмитревскому. Его кабинет находился рядом с нашим цехом. На столе у него я видел пропуска уволенных рабочих.

В эти дни я решил снова навестить Дмитревского. Улучив удобный момент, я незаметно взял несколько пропусков и принес их Ильичу. Он выбрал пропуск на имя Ивана Константиновича Петровича.

К нам в шалаш прислали товарища Лещенко сфотографировать Ильича. Ленин снялся в парике, и эту фотографию мы приклеили к пропуску. Но на пропуске сохранилась половина оттиска печати, а другая половина печати должна была быть на фотографии.

По совету Ильича я нашел знакомого рабочего-слесаря, который в военном комиссариате разносил еду арестованным. После долгих уговоров он вскрыл стол своего начальника и вытащил печать. Мы поставили ее на фотографию. Теперь пропуск был оформлен по всем правилам и инструкциям. Печать я вернул...

Редактор А. С. МАТВЕЕВ

Из воспоминаний
бывшего
рабочего
Сестрорецкого
оружейного
завода
Н. А. Емельянова